

Мо Шаохэн был настолько проницательным, что непременно заметил бы, если бы у него были скрытые мотивы. Если бы он вызвал недовольство Мо Шаохэна, это обернулось бы сплошными потерями. Ему следовало тщательно обдумать свои действия или, вернувшись в школу, действовать через Мо Шаньшань. Они уже были знакомы, и он мог бы постепенно сблизиться с ней.

Тань Хуаньси вздохнул. Это был уже самый примитивный способ, но что поделать, если Мо Шаохэн был настолько труднодоступным? Не только защитный барьер вокруг него был непробиваемым, но и заставить его снять маску было вдвойне сложнее. Малейшая ошибка могла вызвать подозрения, и тогда он бы оказался в безвыходной ситуации.

Мо Шаньшань, подперев щеку рукой, с теплотой наблюдала, как Мо Сьюань старательно выводил иероглиф за иероглифом.

Белоснежный профиль ребёнка был невероятно милым, его большие глаза сияли, а маленький носик, особенно выразительный и прямой, напоминал младшего дядю. Неудивительно, что все считали его сыном дяди. Когда он вырастет, он, несомненно, станет красавцем, способным очаровать любую девушку.

Чем больше Мо Шаньшань смотрела на него, тем больше ей хотелось улыбаться. Она протянула руку и нежно погладила его по голове.

— Шаньшань сестра...

Мо Сьюань на мгновение замер, поднял личико и с недоумением посмотрел на Мо Шаньшань. Увидев теплоту в её глазах, он слегка улыбнулся, затем повернулся и, взяв тетрадку, протянул её ей.

— Шаньшань сестра, посмотри, как я написал? Папа похвалит меня?

Мо Шаньшань с улыбкой взяла тетрадь и начала просматривать. Ребёнку было всего шесть лет, его иероглифы были крупными, но каждый штрих был выполнен с большой силой, что показывало, как усердно он старался. Он искренне хотел заслужить похвалу взрослых.

Мо Шаньшань тут же закивала и похвалила:

— Конечно, наш Сьюань самый умный. Ты так хорошо пишешь, папа обязательно похвалит тебя.

Глаза Мо Сьюаня, блестящие, как вода, тут же превратились в полумесяцы.

— Тогда я напишу ещё несколько иероглифов...

Но тут он словно что-то вспомнил, замолчал, и его сияющее лицо вдруг поникло.

— Что случилось? Сьюань не хочет показать папе? Папа будет очень рад, если увидит, как много ты написал, — Мо Шаньшань не могла смотреть на грустное лицо ребёнка. Она наклонилась, взяла его на руки и, поцеловав в лоб, нежно утешила. — Папа не вернулся прошлой ночью? И позавчера тоже не вернулся. Уже три дня он не был дома. Шаньшань сестра, папа вернётся сегодня? Он что, больше не хочет меня?

Мо Сьюань с грустью смотрел на Мо Шаньшань.

Ему действительно не хватало папы. Хотя папа обычно был строгим и редко улыбался, он знал, что папа очень любит его. В этом доме только папа, Шаньшань сестра и дяди, которые были рядом с папой, любили его. Бабушка и её семья его не любили.

Хотя Мо Сьюань был ещё маленьким, он многое понимал. Он знал, что не был родным сыном папы. Ему об этом сказала не кто иная, как бабушка, которая его не любила. Когда он узнал, что не был сыном папы, ему было очень грустно, и он боялся, что папа бросит его.

Бабушка также сказала ему, что он не имеет права называть папу и бабушку, и что он несчастливый ребёнок. Именно из-за его рождения умерли его настоящие родители и бабушка с дедушкой, и даже их компания исчезла. Поэтому он был плохим ребёнком, и плохие дети не могут жить в доме.

Но папа сказал ему, что, независимо от того, является ли он его родным сыном, он всегда будет его любимым ребёнком. Поэтому, даже если бабушка его не любит, он больше не грустит. Главное, что папа его любит, и у него есть Шаньшань сестра и дядя Фэньюй.

Дядя Фэньюй тоже говорил, что настоящий мужчина не должен плакать из-за того, что кто-то его не любит. Главное, чтобы те, кто тебе дорог, любили тебя.

Хотя он не совсем понимал это, он уловил суть. Дядя Фэньюй сказал, что раньше бабушка не любила и папу, но папа не плакал, как он. Потому что сейчас папу любят многие люди, особенно красивые старшие сестры. Они очень любят папу.

Конечно, всё это рассказал дядя Фэньюй, но, услышав, что папу любят так многие, он был очень счастлив. В его сердце папа был самым сильным человеком в мире, и все должны были слушаться его. Дядя Фэньюй также сказал, что, если он будет достаточно сильным, то однажды станет таким же, как папа.

Мо Шаньшань на мгновение задумалась. Мо Сьюаню уже было шесть лет, возраст, когда дети начинают запоминать и различать ложь. Она не хотела обманывать ребёнка, чтобы поднять ему настроение, поэтому, обняв его, утешила:

— Сьюань, милый, как папа может тебя бросить? Папа очень любит тебя. Просто у него много работы, и, когда он закончит, обязательно вернётся к тебе.

— Правда? Но я скучаю по папе, — Мо Сьюань обнял руку Мо Шаньшань и слегка покачал ножками. Теперь он уже знал, что не был родным сыном папы, поэтому больше не спрашивал, почему у него нет мамы. Ведь у него никогда не было родителей.

Мо Сьюань не раз думал о том, как выглядели его настоящие родители. Они действительно умерли? Однажды вечером, когда папа укладывал его спать, он не смог сдержаться и спросил. Он помнил, как выражение лица папы тогда его расстроило, и больше никогда не спрашивал. Он не хотел огорчать папу.

Мо Шаньшань, поглаживая голову ребёнка, улыбнулась:

— Сьюань, если ты скучаешь по папе, можешь позвонить ему. Папа будет очень рад услышать тебя, и ты сам можешь спросить, когда он вернётся.

Мо Сьюань тут же оживился, но почти сразу же опустил голову и покачал ею:

— Нельзя, я не могу мешать папе работать...

— Глупыш! — Мо Шаньшань с нежностью обняла ребёнка. — Наш Сьюань такой глупыш. Как бы папа ни был занят, ты всегда будешь его сокровищем. Как ты можешь сравнивать себя с работой папы? Если ты будешь так думать, папа расстроится.

Мо Сьюань, услышав это, засиял улыбкой. Он спрыгнул с колен Мо Шаньшань, забрался на стул и, взяв ручку и тетрадь, снова начал старательно писать, приговаривая:

— Тогда я напишу ещё несколько иероглифов, а потом позвоню папе и скажу, что сегодня много писал.

— Хорошо, наш Сьюань самый послушный, — Мо Шаньшань нежно погладила его по голове.

Глядя на такого послушного и умного ребёнка, она невольно вспоминала себя в его возрасте. Она лучше, чем кто-либо, понимала это чувство одиночества и печали от того, что тебя не любят родные. В том возрасте она даже не понимала, что такое отчаяние, просто тихо плакала, чувствуя себя обиженной и несчастной.

Повзрослев и познакомившись с большим количеством людей, она из-за своего статуса часто сталкивалась с тем, что люди либо боялись её, либо льстили. Со временем она научилась отличать, кто искренне относится к ней, кто льстит из-за её положения, а кто хочет получить выгоду.

Мо Шаньшань смирилась с этим. В конце концов, в этой семье всё ещё были те, кто её любил. По крайней мере, родители заботились о ней как о дочери, и младший дядя Мо Шаохэн был одним из них. Поэтому, когда дядя привёз Мо Сьюаня, она часто заменяла занятого дядю, проводя время с ребёнком.

Что касается остальных членов семьи Мо, то, родившись в такой большой семье, если ты ещё чего-то ожидаешь, то просто обманываешь себя.

— Шаньшань сестра!

Мо Сьюань вдруг поднял голову и позвал её.

Мо Шаньшань очнулась и мягко спросила:

— Что такое?

Мо Сьюань, казалось, колебался, его белое личико сморщилось, и, наконец, он осторожно спросил:

— Шаньшань сестра, кто такой особенный человек? Какой он, особенный человек?

— Почему ты вдруг спросил об этом? — Мо Шаньшань удивилась. Это был не тот вопрос, который должен интересовать шестилетнего ребёнка.

Мо Сьюань немного нервничал, отложил ручку и пододвинулся к Мо Шаньшань, тихо сказав:

— Если я скажу Шаньшань сестре, ты обещаешь не говорить папе? Я не хочу, чтобы папе было грустно.